

Б.Ю. Норман

Легенды и байки филфака

В это трудно поверить, но был длительный период (в 70-е, скорее всего, годы), когда студенток на занятия не пускали... в брюках. Даже не в джинсах – в обычных брюках! Можно было только в юбках, и уж, конечно, не в мини.

Утро. Десять минут до начала первой пары. В вестибюле на Красноармейской, 6 стоит при своей военной выправке Анатолий Михайлович Амелин, помощник декана. Как только в толпе рвущихся к знаниям девушек мелькнут штаны, Амелин рукой изображает шлагбаум: «Домой! Переодеваться!».

Очень трудно объяснить вообще-то, чем брюки были хуже юбки. То ли они намекали на эмансипацию полов, то ли позволяли разглядеть за обтягивающей тканью, откуда у женщин растут ноги... Но – «Домой! Переодеваться!».

Античную литературу долгие годы преподавал на филфаке доцент Наум Исаакович Лапидус. Внешне он собой ничего особенного не представлял: маленького роста, склонный к полноте, с залысинами, в очках... Но студенты его боялись. Лапидус был воспитанником старой школы античников, знал неплохо латынь и греческий, хорошо помнил древние тексты... Кличка его у студентов была – *Зевс*.

И вот такая история. Отвечает студентка у доски, отвечает пло-охо. Лапидус поворачивается к ней и грозно: «Ну, а хоть имя главного бога на Олимпе вы знаете?» Студентка, что называется, выпадает в осадок. А ее подружка за партой, пытаясь подсказать с места, энергично тычет пальцем в Лапидуса (намекая на его кличку). Студентка округляет глаза и не совсем уверенно:

– Лапидус?

Иван Яковлевич Науменко, писатель и профессор кафедры белорусской литературы, был личностью совершенно незаурядной. Высокого роста, крупный, плечистый, с хорошо поставленным голосом, он бы и где-нибудь в военном училище не затерялся. А уж на филфаке... Была тогда традиция отмечать на факультете важнейшие праздники. Например, 8-е марта. И вот за праздничным столом в 46-й аудитории (студентов уже всех отпустили домой) звучат тосты. Встает Науменко. «Гусар-ры! – разносится по помещению его рык. – Где ж вы, гусары?! Я помню, раньше ни одно заседание партбюро не обходилось без персонального дела: тот такую-то соблазнил, этот семью разрушил... А сейчас?! Э-эх! Где вы, гусары?!»

На тех же 8-мартовских посиделках (банкетом назвать как-то язык не поворачивается) профессор Адам Евгеньевич Супрун любил выступать с признаниями в любви. Кому? Ей. Она, мол, и удивительная, и загадочная, и

манящая, и единственная... И когда присутствовавшие женщины и девушки уже начинали примерять к себе эти эпитеты, Супрун завершал: «Так выпьем же за филологию, ради которой мы все живем!» Чоканье стаканов смешивалось со вздохом разочарования...

А.Е. Супрун, будучи сам автором нескольких школьных учебников по русскому языку, хорошо понимал относительность языковой нормы. Поэтому, когда его спрашивали: «А как правильно сказать – вот так или вот этак?», он раздражался и говорил: «А вот как я скажу, так и правильно!».

Леонид Иванович Бурак читал курс современного белорусского языка. То ли читал он не очень интересно, то ли студенты попались не вполне достойные, но на лекциях было шумно. Профессор терпел-терпел, а потом объявлял:

– Цішэй, калі ласка, цішэй! Хто не хоча слухаць, я не затрымліваю!

Эти слова студенты разнесли потом по всему филфаку, они стали своего рода визитной карточкой Бурака.

Где-то в годах 1973-75 университет накрыла эпидемия КВНа. На каждом факультете формировалась своя команда, а потом факультетские команды соревновались между собой. И вот – решающая встреча в актовом зале университета, филфак против физфака. Филологи принесли с собой огромные плакаты-растяжки: «У вас – Севченко, а у нас – Пипченко». Причем лозунг был написан в две строки, но общая часть фамилий была написана крупно, на обе строки.

Получалось: У вас Сев

ЧЕНКО

А у нас Пип

Антон Никифорович Севченко тогда был ректором университета, а Николай Михайлович Пипченко – легендарным замдекана филфака. И ничего, никто не обиделся.

А другой лозунг гласил: «У НАС МНОГО НЕВЕСТ, А У ВАС – ЗЯТЬКОВ». Зятьков была фамилия декана физфака...

Профессор Любовь Ивановна Фигловская, завкафедрой советской литературы, слыла у студентов своего рода старухой Шапокляк: немолодая, вьедливая и даже, по мнению студенток, вредная. Во всяком случае, экзамен у нее затягивался допоздна. И вот однажды вылетает из дверей очередная студентка, не сдавшая экзамен, раскрасневшаяся, растрепанная, и в сердцах – в дверь:

-- Старая дева!

Дверь приоткрывается и – язвительный фальцет Фигловской:

-- Старая, но не дева!

На факультете работали два почти однофамильца: доцент Владимир Степанович Карабан (русская литература) и доцент Иван Антонович Карабань (русский язык). Мы шутя говорили о них – «Карабан с твердым концом» и «Карабань с мягким концом». А студент Леня Подольский сочинил то ли частушку, то ли скороговорку:

Карабан с Карабанем
В барабан барабанят.
Карабанчики – в барабанчики,
А карабаньчики – в барабаньчики.

В одном кабинете сидели два заместителя декана: белорусскоязычный Владимир Михайлович Лозовский и русскоязычный Николай Михайлович Пипченко. Как-то (редкий случай) Пипченко в кабинете не было, а Лозовский был.

Звонит телефон. Лозовский снимает трубку, слушает. Там, видимо, спрашивают по-русски, потому что Лозовский отвечает:

-- Яго нет (с отчетливым взрывным «г»).

Там, видимо, не совсем поняли. Значит, еще раз, для подтверждения:

-- Яго нет.

Кладет трубку и разводит руками, обращаясь к присутствующим в кабинете:

-- Дык няма ж яго!

Профессор Федор Михайлович Кулешов был большая язва. Студенты его боялись, но любили, потому что читал русскую литературу он интересно. Но на экзаменах коньком Кулешова были вопросы, касающиеся каких-то малосущественных деталей. Вроде такого: «Чем был обит сундук под кроватью в комнате у старухи-процентщицы?» (имелось в виду «Преступление и наказание»). Нужно было ответить: «Красным сафьяном». Или: «Сколько денег украл солдат в рассказе Куприна “Дознание”»? Искомый ответ: «Тридцать семь копеек».

Нельзя не упомянуть и славянские вечера. Или, по-научному, «вечера дружбы славянских народов». О, что это были за вечера! Ажиотаж вокруг них был невероятный. Зрителей на Красноармейской набивался полный актовый зал, люди стояли в проходах.

Вечера готовились долго и почти в тайне. В них участвовали будущие знаменитости: Винцусь Вечорка и Петя Марцев, Леня Ширин и Саша Корабликов... Разумеется, на сцене побывали и все преподаватели кафедры общего (позже – теоретического) и славянского языкознания. Вот как-то объявляет ведущий: «Группа студенток второго курса споет болгарскую народную песню». Раздвигается занавес, на сцене – действительно, штук семь робких студенточек, но в центре – Владимир Александрович Карпов, сутуловатый, с кавалерийскими ногами, но крепко удерживающий ближайших девиц, чтобы не разбежались (без него они отказывались выйти).

На филфаке была своя преподавательская команда по баскетболу. Основу ее составляли молодые преподаватели кафедры общего и славянского языкознания: Норман, Плотников, Трёмбовольский, Киклевич, Калюта. Но ходили в спортзал на Красноармейской и ребята со стороны: кто-то с истфака, кто-то – с завода «Горизонт»... Был там и крепкий парень из радиотехнического, по кличке Джон.

И вот однажды приходят все они в урочное время на факультет и узнают, что играть им сегодня по какой-то причине придется не здесь, а в спортзале Главного корпуса. Решили прямо сейчас отправляться туда, а одного человека на всякий случай оставить – чтобы предупредить опоздавших. Выбор пал на Джона. Норман говорит ему:

– Ну, вы минут десять подождите, а потом оставьте на двери спортзала записку – мол, тренировка переносится в Главный корпус, и сами к нам быстрее. Только объявление подпишите, чтоб было ясно, что это серьезно.

– А как подписать?

– Ну подпишите: «Б.Ю. Норман». Меня все знают.

Прошел этот день, прошла тренировка, все в порядке. Назавтра приходит Норман на факультет и ловит на себе какие-то странные взгляды. В чем дело? Тайна раскрылась только через пару дней. Один из коллег-преподавателей показал ему рукописную записку (снятую с двери факультетского спортзала), а там значилось:

ТРЕНЕРОВКА ПЕРЕНОСИТЦА В ГЛАВНЫЙ КОРПУС. Б.Ю. НОРМАН

На переломе 60-70-х годов в здании на Красноармейской сосуществовали два факультета: филологический и отпочковавшийся от него факультет журналистики. Их стенгазеты висели напротив друг друга. Стенгазета журналистов была оформлена более профессионально, а филфаковская (как и следовало ожидать) была свободнее по духу и языку.

А в те времена была такая злая традиция – насильно распространять среди населения билеты государственных лотерей. Вот и у студентов из их жалких стипендий высчитывали какую-то сумму на лотерейные билеты: хочешь – бери, хочешь – нет, но высчитают. Журналисты откликнулись на сие событие такой частушкой в стенгазете:

Нынче стали мы степенными.
Нынче ходим лишь по ветру мы.
Нынче выдали стипендию
Лотерейными билетами.

Через пару дней филологи откликнулись таким четверостишием:

Журналисты ерепятся,
Журналисты избалованы.
Надо было им стипендию

Дать трамвайными талонами!

В той же филфаковской стенгазете, заменявшей тогда народу чаты и твиттеры, отразилось еще одно эпохальное событие. В 1976 году на первом этаже здания на Красноармейской установили автомат с газированной водой. За 3 копейки – с сиропом, за копейку – без сиропа. Газета писала:

В семьдесят шестом году
Мы вкусили газводú.
В семьдесят седьмом, быть может,
Мы попьём водички тоже.

Надеждам не суждено было оправдаться, автомат проработал недолго. Зато – сейчас себе это трудно представить! – в буфете на 1-м этаже продавали пиво и шампанское! Газета отреагировала на это на сей раз по-белорусски:

Лепш за ўсё на белым свеце
Піць шампанскае ў буфете!
Ды яшчэ на факультэце!
Ў нашым універсітэце!

Из записей 1972 г. Собрание кураторов студенческих групп. Выступает декан Алексей Арсентьевич Волк. Он говорит о документах, которые называются «план работы куратора»:

– Такие планы нас совершенно не удовлетворяют. Они должны быть совершенно, пожалуй, в известной мере другими.

Был такой студент на русском отделении – Олег Атьман, пел песни под гитару. Но потом собственная фамилия показалась ему подозрительной, и он поменял ее (официально!) на Атаманов. Тут подул ветер перемен, и Атаманов перешел на беларускую мову, стал петь песни на стихи Олега Лойко (в афишах так и значилось: «Два Алега»). Затем ветер перемен подул в другую сторону, и нынче на афишах уже крупно: «Бард всея Руси Олег Атаманов»...

В начале 70-х реальная власть на факультете осуществлялась двумя заместителями и одним помощником декана. Фамилии их были Пипченко, Лозовский и Амелин. Успеваемость, посещаемость – все это контролировалось строго. И был такой студент: Валерий Липневич. Интересовался литературой, пробовал себя в разных жанрах. Вершиной его творчества стал опус под названием «Феномен Пипамезовского». Правда, перед публикацией в факультетской стенгазете «Пипамезовского» заменили на «Филомезовского» (уж слишком ясен был намек). Но текст был хорош. Там была и пародия на литературоведческую статью, и стихи на студенческие темы, стилизованные под Хлебникова, Блока, Вознесенского... А завершался он мощным аккордом – «Афоризмами Пипамезовского». Вот они, достойные пера Козьмы Пруткова:

Знание относительно. Лишь в посещении можно достичь абсолюта.

Лекция – альфа и омега посещения.

Студент – очень неудобная единица учета.

Знания – это прекрасно! Но не в ущерб посещению.

Вначале было посещение.

Ум студента можно определить по точности, с которой он предсказывает проверки и появляется на них.

Посещаешь – раскаешься в этом, не посещаешь – тоже раскаешься. Посещаешь или не посещаешь – все равно раскаешься. Так лучше раскаяться посещая!

Первый шаг мудрости – пропускать все, последний – посещать все.

Деканат – это звучит грозно.

Посещай, мой друг, посещай! Все мы лишь посетители на этой земле.

Липневича по совокупности прегрешений с филфака выгнали. Но он не пропал. Уехал Москву, занялся там литературной деятельностью и, кажется, успешно.

А еще был такой студент на русском отделении в 70-е годы – Костя Куксо. Он с самого начала выглядел намного старше обычного студенческого возраста: полноватый, с большими залысинами, толстые стекла дальнозорких очков... Солидно выглядел, в общем. На первое занятие является он с некоторым опозданием, а студенты уже начали нервничать и строить свои планы. Но тут входит в аудиторию лысоватый дядька. Студенты, как положено, встали. А дядька посмотрел-посмотрел на них и сел рядом за одну из парт...

Филологических способностей, впрочем, у Куксо не обнаружилось. Зато он стал известным художником. Сначала, еще на факультете, он рисовал шаржи на факультетских преподавателей – на Нила Гилевича, на Кулешова, на Скоропанову... Очень похоже и ехидно, а главное – шло в зачет на экзаменах. А потом и в самом деле – уехал Костя опять-таки в Москву и стал профессионалом-карикатуристом: работал в «Известиях», еще в каких-то солидных изданиях...

Году в 1972-м поступил на факультет Толя Гируцкий, будущий профессор пединститута. Он был намного взрослее своих однокурсников, пришел на факультет уже после армии. А в армии, точнее, на флоте, Гируцкий был старшиной первой статьи. Позже, когда Гируцкий поступил в аспирантуру и написал свою первую печатную работу, друзья его стали звать «старшина второй статьи».

В течение нескольких лет на филфаке существовал Студенческий театр миниатюр, сокращенно СТЭМ. Одна из их сценок представляла собой занятие в аудитории.

По авансцене туда-сюда ходил преподаватель (его роль играла девушка), в ритм шагам шелкал себя хлыстом по голенищам сапог и командовал: «Пишите! Не пишите! Пишите! А теперь не пишите!»...

Студентки на заднем плане рьяно строчили конспекты. Потом преподаватель останавливался, поворачивался лицом к залу и пожимал плечами:

– Дуры, конечно! Но глаз отдыхает...

Студентка отвечает на экзамене по введению в языкознание. Но то и дело говорит «хочут», «ложат»... Преподаватель ее поправляет:

– Надо говорить «хотят», «кладут».

В ответ:

– Каждый человек говорит, как ему удобней.

Преподаватель разводит руками.

После второго курса студентов посылали на диалектологическую практику. Реально в деревню, в глубинку. Руководила практикой Александра Федотовна Манаенкова. Вот приехали студенты, разместились по хатам, вечером в клубе собрание. Манаенкова назначает каждому тему, по которой надо собирать диалектизмы. Кому-то достается «посуда», кому-то – «одежда». Интеллигентной городской девочке достается тема «домашние животные». Она вчитывается в опросник и сразу тянет руку:

– Александра Федотовна, а что такое случка?

Контакты с заграницей в советские времена не приветствовались. В частности, если преподавателю нужно было послать за рубеж статью – неважно, для публикации в журнале или же уже опубликованную, нельзя было просто пойти на почту, купить конверт, написать адрес и т.д. Нужно было поступить по-другому: пойти в Первый («особый») отдел, заполнить там соответствующую форму, подписать у начальства, оставить им эту форму вместе с самой статьей для ознакомления. Через какое-то время зайти и поинтересоваться: если повезет, могли и разрешить отправку.

Доцент Игорь Павлович Кохно нарушил все эти инструкции, прикинулся валенком и сунул пакет со статьей в прорезь почтового ящика. Что тут было! Через несколько дней вскрытый пакет лежал на столе у начальства, Кохно полоскали за утрату бдительности на Ученом совете (хотел, мол, продать врагам секреты русской литературы!). Да и начальству факультетскому досталось: не уследило, проморгало, проявило политическую близорукость...

В 70-е годы при Министерстве образования СССР активно действовал Научно-методический совет по высшему филологическому образованию. Он обсуждал и утверждал учебные планы, учебные программы по отдельным дисциплинам, структуру пособий и т.п.

Как-то на заседании Совета выступил минский профессор Михаил Григорьевич Ларченко. Говорил он, естественно, по-русски. Но в своем выступлении несколько раз сослался на некоего Ламиди: «Как писал Ламиди...», «По мнению Ламиди...». Участники заседания недоуменно переглядывались: кто такой Ламиди? Грек, что ли, какой-то? Оказывается,

Михаил Григорьевич имел в виду известного в ту пору литературоведа по фамилии Ломидзе. Вот где сработала так называемая гиперкоррекция! Ларченко посчитал звукосочетание *дз* в составе фамилии *Ломидзе* белорусизмом и старательно передал его средствами русской фонетики, ср.: *дзесьць – десять, радзіма – родина*, так и *Ломидзе – Ламиди...*

Владимир Михайлович Лозовский много лет подряд читал один и тот же курс белорусского языка. За это время его машинописный конспект лекций поистрепался и пожелтел, но преподаватель оставался ему верен. Студенты же потешались над этой привязанностью.

И вот однажды Лозовский утратил бдительность. Выйдя на перерыве в коридор, он оставил ветхие листочки на кафедре. И студенты, недолго думая, их спрятали. Или попросту сперли. Прозвенел звонок, Лозовский возвращается в аудиторию, открывает рот – а где спасительный конспект? Пошарил рукой – нету, заглянул под кафедру – нет. Может быть, сквозняком на пол сдуло? И там нет. Лозовский начинает вещать о необходимости соблюдать дисциплину, о недостаточном чувстве ответственности у студентов, а руки все еще шарят вокруг в призрачной надежде... Наконец, Лозовский останавливается, делает долгую паузу, сводя глаза кверху, и изрекает:

– Чую: тэрмінова клічуць у дэканат!

И покинул аудиторию.

Майские слеты студентов-филологов в Вязынке когда-то были массовым и шумным мероприятием: выезжал весь факультет!

Накануне выезжали, так сказать, квартирьеры: ставили штабную палатку, размечали трассы и площадки, определяли место для мобильного (армейского) радиоузла...

И вот в воскресенье утром – сбор был назначен часов на 9 – от здания на Красноармейской по улице Кирова по направлению к вокзалу двигались нестройные колонны филологов. Впереди маршировали гёрлз с голыми коленками – и изо всех сил лупили в барабаны. А переполошенные обыватели выглядывали из-за занавесок: что там на улице творится? Между прочим, даже проезд в электричке профком как-то оплачивал!

А уж в самой Вязынке была полная свобода творчества. Кто читал стихи у памятника Песняру, кто участвовал в кроссе, а кто варил кашу на костре. У меня есть фотография, где молоденький Ваня Ровдо стоя хлебает ложкой какое-то варево. Была еще такая затея – представлять живые картины. Николай Павлович Антропов, ныне заведомом в Национальной академии наук, с третьекурсницей Эллой Зеньковой, ныне эмигранткой, изображали какую-то немислимую композицию, а все вокруг должны были угадать, что бы это значило. Оказалось – «Сестрица Аленушка и братец Иванушка». Бывало, за время празднества то какая-нибудь студентка, переправляясь по канату через ручей, свалится в воду, то кого-нибудь на закате дня с трудом под кустом отыщут – так его разморит на солнышке...

В 70-80-е годы, в разгар застоя, нравы в университете были еще те. Конкурс для поступавших был высокий, этим все объясняется. Были люди, жаждавшие работать в приемной комиссии (они этим зарабатывали себе на жизнь) и были люди, принципиально не желавшие и боявшиеся этого. Вот идет утром преподаватель к абитуриентам на экзамен или сочинение проводить, а университетский дворик уже полон заинтересованным народом. Преподаватель вроде и по сторонам не смотрит, и вообще глаз не поднимает, так нет – подстраиваются к нему в фарватер, за рукав осторожно тянут, записочки суют, тихо так просят: «Уж вы не забудьте», «Попробуйте помочь...», «Дочурка-то у меня славная...»... Записочки эти назывались приветами: «У меня к вам привет...».

Это сейчас боже упаси, чтобы студент на экзамен цветы принес, а тогда – приносили, и не только цветы. На столе, чтобы задобрить экзаменатора, ставили минералку, вазу с конфетами (особенно если преподаватель – женщина), фрукты... Особенно этим славились заочники. Это понятно: люди уже более или менее взрослые, где-то работают, имеют представление об общественных отношениях при социализме. Да и деньги какие-никакие у них водились, что там скинуться по трешке...

Доцент Борис Израилевич Косовский принимал экзамен по общему языкознанию. Вот ответила последняя заочница, преподаватель облегченно встает, разминает затекшие ноги – и тут вваливается в аудиторию группа студентов: «Мы хотели вас поблагодарить за...» – и вручают Косовскому не что-нибудь, а бюст Ленина из светлого металла. Доцент, конечно, внутренне чертыхнулся, но подарок принял. А попробуй тут откажись – что подумают? Беда только в том, что какая-то заочница, недовольная своей оценкой, все же настучала потом в партком: мол, преподаватель берет взятки. Над головой бедного Косовского стали сгущаться тучи. Спасло его только то, что в ту же сессию и по тому же поводу «засветилась» Ольга Васильевна Козлова (ей, правда, подарили серебряные ложечки). А Ольга Васильевна, дочь легендарного Козлова, была особой неприкасаемой...

Бронислав Александрович Плотников славился своим трудолюбием. У него в научном зале Ленинской (ныне – Национальной) библиотеки был даже свой постоянный стол, за которым он каждый день работал над докторской диссертацией. Дома таких условий не было. Но вот Плотников переехал в новую квартиру и стал ходить по мебельным магазинам в поисках хорошего письменного стола. А с мебелью тогда были проблемы. Плотников даже просил всех своих знакомых – если кто где увидит в продаже большой письменный стол, тут же ему сообщить. И вот – уже несколько месяцев прошло – звонит Плотникову один коллега и говорит, что только что видел в мебельном отличный стол из немецкого кабинетного гарнитура! На том конце провода – секундная заминка, а потом: «Да, в общем, знаешь... уже не надо. Я докторскую закончил».

Еще одна чем-то похожая история. Где-то в начале 80-х годов профком университета проявил невиданную активность. Решено было в районе Вязынки строить коттеджный кооператив для сотрудников. Первый взнос был немалый, но и не заоблачный. Подали заявления многие преподаватели, в том числе с нашего факультета доцент Дмитрий Васильевич Федоров. Возник, естественно, конкурс желающих, профбюро оформляет документы, дело-то сложное и непривычное. Проходит еще месяц. Является Федоров в профбюро и говорит: «Вычеркните меня из списка. Я себе брюки купил».

В те же примерно времена, в самом начале 80-х, профком озаботился состоянием здоровья своих членов и закупил время в Водно-спортивном комплексе в Парке Челюскинцев, попросту говоря – в бассейне и сауне. Кто хочет – плавай по дорожкам, кто хочет – отпаривай кости в сауне.

И вот парилка, полумрак, сидят голые преподаватели, стоит нестройный гул голосов, обычный мужской треп. Вдруг открывается дверь, в проеме, в светлых клубах пара, – неясная мужская фигура, а с ней вроде детская, держится за руку. Но самое поразительное – тонкий детский голосок: «Ой, тата, гóрача!». У всех, что называется, мову адняло. Чтобы в Минске! в сауне! в начале 80-х! дитя! – разговаривало по-белорусски – это было практически невероятно! Воцарилось молчание – будто ангел пролетел... А это был профессор (тогда еще доцент) кафедры белорусской литературы Вячеслав Петрович Рагойша со своим маленьким сыном. Рагойша всегда и везде разговаривал только по-белорусски.

Профессору Николаю Андреевичу Павленко в молодости довелось слушать лекции крупных ученых, которые сегодня уже считаются классиками советского языкознания: Петра Савича Кузнецова и Тимофея Петровича Ломтева. Павленко делился своими впечатлениями: Кузнецов приходил на лекцию за полчаса до ее начала, его тут же в коридоре облепляли студенты (естественно, в основном студентки) и он с ними оживленно беседовал. Потом была лекция, а после лекции Петр Савич еще долго что-то обсуждал со студентами...

С Ломтевым было все наоборот. Он являлся на лекцию с явным опозданием, когда уже студенты собирались расходиться (Ломтев был одновременно то ли деканом, то ли завотделом науки в ЦК). На лекции Тимофей Петрович то и дело смотрел на часы, а за четверть часа до ее конца говорил: «Ну, на этом всё. Остальное – в следующий раз» – и удалялся.

«Ну и что? – подводил итог Павленко. – Кузнецов остался в истории науки Кузнецовым, а Ломтев – Ломтевым...».

В августе 1983 года в Киеве проводился X Международный съезд славистов. И как-то получилось, что Белоруссия не выбрала квоту своих участников, оставались какие-то места, которые спешно предложили

Университету. Конечно, молодые преподаватели только обрадовались – и дорогу обещали оплатить, и гостиницу... Конечно, поедем! И поехали.

В Киеве в один гостиничный номер поселили Нормана, Трёмбовольского и Воробья с кафедры белорусской литературы. Но ни у кого никаких претензий не возникло: все молодые, активные... По вечерам утомленный чужими докладами Норман (он был старшим в комнате) укладывался спать и мгновенно засыпал. А Яков Трёмбовольский еще долго ворочался, перебирая в памяти события прошедшего дня. Через пару дней он все же поинтересовался у Нормана: «Борис Юстинович, а как это вы так быстро засыпаете?» – «Совесть надо чистую иметь, Яша», – был ответ. И это было задолго до телерекламы «Заплати налоги – и спи спокойно».

А третий постоялец – Воробей – каждый вечер уходил в соседний номер, где гуляли его друзья, хлопцы с белорусской кафедры (кажется, был там кто-то и из Академии). Допоздна шумели, песни орали. Естественно, шел туда Воробей не с пустыми руками, а в качестве вступительного взноса отрезал внушительный кусок сала, остальное же прятал в чемодан. Сало, увы, кончилось раньше, чем Съезд славистов, и в последний вечер Воробей пошел к коллегам, прижимая к груди последнюю ценность: банку с домашним вареньем. Но не тут-то было: взнос не засчитали, и Воробья с позором выставили за дверь.

Еще одна история, в которую трудно поверить. Где-то в самом конце 80-х, когда в стране был дефицит всего, какие-то спонсоры одарили факультет большой коробкой женских колготок. Дело было как раз накануне Восьмого марта. И вот декан (а деканом тогда была Лариса Александровна Мурина) приглашает к себе в кабинет по очереди женщин-преподавателей и вручает каждой пакетик с парой колготок. Причем цвет был какой-то неходовой: кому белый достался, кому – розовый... И ничего, брали да еще благодарили. Такие были голодные времена.

Когда в 1992 году филфак переехал в здание Высшей партийной школы на ул. Карла Маркса, 31, мы были поражены внезапно открывшимся перед нами благолепием. В коридорах на полу лежали красные ковровые дорожки. В аудиториях стояли микрофоны. На стенах висели эстампы белорусских художников. В роскошном актовом зале на сцене стоял огромный бюст Ленина. А на первом этаже красовался автомат с газированной водой, которую можно было пить бесплатно (!). Счастье длилось недолго. Через несколько дней дорожки убрали. Эстампы куда-то пропали. Кто-то срезал микрофоны. Вода в автомате быстро кончилась. А бюст Ильича на всякий случай задвинули в глубину сцены...